

А. А. Кораблёв

ПРОВИНЦИЯ В ПОЭЗИИ НАТАЛЬИ ХАТКИНОЙ

doi: 10.30759/1728-9718-2021-1(70)-105-113

УДК 82-1

ББК 83.3

Статья содержит концептуальный анализ образов провинции в творчестве донецкого поэта Натальи Викторовны Хаткиной (1956–2009). Выявлены основные направления преодоления творческой провинциальности: 1) стремление к центру; 2) отстраненное отношение к провинциальным реалиям; 3) осознание сущностной тождественности столичной и провинциальной поэзии; 4) творческое порождение провинциального центра, аналогичного столичному. На примере донецкого городского текста раскрыта семиотика интенций провинциального бытия: 1) стремление в Москву; 2) «провинциальные картинки» донецкой жизни; 3) опыты авторской психопоэтической аналитики; 4) опыты авторской творческой переориентации. Провинция и провинциальность противопоставлены как взаимосвязанные, но разноплановые и не всегда совпадающие факторы творческой реализации. Провинция — местоположение относительно административного центра; это конкретика, содержащая обобщение; это общее место, объединяющее в единый топос монообразии конкретных местностей. Провинциальность — это, наоборот, абстракция, которая содержательно наполняется конкретными психологическими и социальными проявлениями, обусловленными центр-периферийными обстоятельствами творческого бытия. Преодоление провинциальной обусловленности осмыслено как онтологическая энергетика эстетических результатов. Поэтический опыт, помимо эстетической ценности, обладает и онтологической силой, необходимой для преодоления внешних и внутренних обстоятельств. Анализ поэтических рефлексий, опредмечивающих акты творческого преодоления и векторы авторских интенций, позволяет осмыслить жизненно-творческие опыты, которые осуществлялись не благодаря внешним обстоятельствам, а вопреки им.

Ключевые слова: провинция, провинциальность, творческие интенции, децентрация, речентрация, донецкая литература, Наталья Хаткина

Одна из основных типологических характеристик города — его статус в системе центр-периферийных соотношений (административных, духовных, культурно-исторических, научных, экономических, спортивных, территориальных и др.). Эти соотношения устанавливают ценностные ориентиры и определяют динамику миграций. Государство осуществляет контроль над этими процессами, стремясь по возможности координировать человеческие ресурсы, но не менее значимо личностное, переживаемое и особенно творчески фиксируемое осознание реальных закономерностей пространственно-временных предопределенностей.

Возрастающий теоретический интерес к феномену провинции (исторический, культурологический, филологический и др.)¹ предрас-

полагает к интеграции разных форм и подходов, включая и онтологию творчества.

Провинция для творческого человека — это дополнительная трудность в его самореализации, особенно если авторские амбиции значительно превосходят возможности жизненного ареала. Это удаленность от центра социальной и творческой активности, от средоточия перспективных контактов и престижных трансляций, от источников новых идей, форм, стилей. Это дистанция, которую приходится каким-либо образом преодолевать: либо переезжать в столицу и уже там, ускоренно, изживать свою провинциальность; либо самому становиться центром, преобразуя провинциальный уклад в подобие столичного; либо, принимая

¹ См.: Локальные культурно-исторические исследования: Теория и практика. Омск, 1998; Русская провинция: миф — текст — реальность. М.; СПб., 2000; Каганский В. Культур-

ный ландшафт и советское обитаемое пространство. М., 2001; Геопанорама русской культуры: провинция и ее локальные тексты. М., 2004; Купцова И. А. Динамика русской провинциальной культуры второй половины XIX — начала XXI в. М., 2011; Козьяков В. Н., Севастьянова А. А. История и культура регионов России. Рязань, 2011; Мухамеджанова Н. М. Феномен провинции и провинциальной культуры в социокультурном измерении // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 7 (81). С. 143–146; Восток — Запад: пространство локального текста в литературе и фольклоре. Волгоград, 2019; и др.

Кораблёв Александр Александрович — д.филол.н., профессор кафедры истории русской литературы и теории словесности, Донецкий национальный университет (г. Донецк)
E-mail: dikoepole@rambler.ru

свое бытие как предустановленное и не подлежащее перемене, не замечать дистанции, разделяющей центр и периферию, а видеть во всех проявлениях жизненного разнообразия всепроникающую целостность.

Провинция и провинциальность — взаимосвязанные, но не всегда взаимополагающие моменты творческой реализации. Можно переместиться из провинции в столицу и при этом остаться провинциалом, но возможно и, наоборот, находясь в провинции, быть в центре литературного процесса. Слова «провинция» и «провинциальность» и производное от них «провинциальный», если их воспринимать как термины, фиксируют разграничение и соединение конкретной и абстрактной содержательности. Провинция — конкретное местоположение (относительно административного центра) с определяемыми этим положением свойствами. Это конкретика, содержащая обобщение, общее место, объединяющее в единый топос монообразия конкретных местностей. Провинциальность — это, наоборот, абстракция, которая содержательно наполняется конкретными психологическими и социальными проявлениями, обусловленными не столько культурно-историческими или национально-этническими особенностями, а сколько центр-периферийными параметрами творческого бытия.

Каждый поэтический опыт ценен не только эстетическим результатом, но и онтологической силой, которая его произвела, в том числе и силой преодоления внешних и внутренних обстоятельств. Особенно ценны поэтические рефлексии, опредмечивающие акты творческого преодоления и векторы авторских интенций. Наиболее показательны в этом отношении те жизненно-творческие опыты, которые осуществлялись не благодаря довлеющим обстоятельствам, а вопреки им.

Характерный пример осознаваемой и поэтически освоенной провинциальности — жизнь и творчество Натальи Викторовны Хаткиной (1956–2009). Родилась она в Челябинске, с 1972 г. жила в Донецке.² Хаткина — признанный, как показали квалифицированные опросы, лидер донецкой поэзии,³ достигший также

признания среди поэтов Украины⁴ и России.⁵ Провинция — одна из основных тем ее поэтических обращений, из которых составилась достоверный предметно представимый обзор для последующего осмысления.

I. Москва. «Юность не имеет нужды в *at home*» — писал А. С. Пушкин. Эта психологическая закономерность особенно ощутима в провинции и особенно в творческой среде. Провинциальным талантам есть куда стремиться — *в центр*. Для русских поэтов XX в. таким центром, безусловным во многих отношениях, была Москва. Она манила, диктовала, испытывала. Она определяла собой литературную географию: московское пространство противостояло всему иному. Провинция — «всё, что не Москва».

Хаткина страстно стремилась в Москву, писала о ней, публиковалась в московских газетах и журналах и готова была приехать и остаться в ней навсегда. Позже в интервью она скажет: «Я, в припадке сомнения, считала, что могу покорить Москву — как Александр Дюма покорил Париж, с одним золотым в кармане».⁶ Следы этой устремленности остались в стихах. Высказанные в основном в ранней юности, эти признания казались Хаткиной слишком личными и наивными, и в свой итоговый стихотворный сборник она включила только пять стихотворений с прямой московской адресацией («Чехов», «Ничего из того, что имею...», «Имя», «Игла», «Сочельник»). Другие стихи о Москве, неопубликованные и отвергнутые, прежде всего самим автором, может быть, действительно несовершенные в художественном плане, не менее, а то и более необходимы для понимания авторской творческой эволюции. Они открывают рукописный сборник поэтессы 1976–1978 гг., начинаясь патетическим «О!», подобно тому, как античные поэмы начинались с обращения к музе, и отчаянными, почти истерическими ударами в закрытые московские ворота, как будто это тот случай, когда стучащему откроется:

⁴ См.: Кораблев А. Литературная Украина: парад 2004 года // Дикое поле. 2004. № 5. С. 208–223.

⁵ См.: Евтушенко Е. Всегда озябшая // Новые известия. 26.03.2010. URL: <https://newizv.ru/news/culture/26-03-2010/124050-vsegda-ozjabshaja> (дата обращения: 17.12.2020); Галина М. Птичка божия. Вспомним поэта Наталью Хаткину // Частный корреспондент. 07.04.2011. URL: http://www.chaskor.ru/article/ptichka_bozhiya_22921 (дата обращения: 17.12.2020).

⁶ Хаткина Н. Донецк — это отец [интервью] // Дикое поле. 2006. Вып. 10. С. 252.

² См.: Кораблев А. Между жизнью и судьбой: Круги и возвращения Натальи Хаткиной // Хаткина Н. Стихи и поэмы. Донецк, 2013. С. 5–24.

³ См.: Медовников С. Праздник воздержания, или После референдума // Антарес. 1993. № 1. С. 79–83; Кораблев А. Донецкая поэзия: год 2000-й (Итоги читательского референдума) // Родомысл. 2000. № 2. С. 32–37.

О, умоляю — не отвадь.
«Пусти» — ударюсь в дверь,
Как облетевшая листва,
Как неутешная вдова...

(«О, умоляю — не отвадь...»)

Хаткинские обращения к Москве разнообразны: то мольба, то восторги, то наблюдения, то раздумья. И всегда — какое-то особенное, очень личное, словно кармическое, отношение, как будто отличное от таких же всех прочих:

Ничьим слезам не верь, Москва,
Моим слезам поверь.

(«О, умоляю — не отвадь...»)

Радость родства и одновременно комплекс инородства, вызываемые столицей у приезжего, выражены задорно, представимо, словно картинкой из детской книжки, но в ней уже предсказана глубокая личностная коллизия — между жизненными порывами и пределами судьбы:

Жить высоко —
И ярко свет
Из окон незавешенных.
А я в Москве,
— Ах, я в Москве! —
Как воробей в скворешнике...

Москва воспринималась и перевоплощалась в стихи, прочитывалась как текст, постигалась поэтически («геопоэтически») — душа города проявлялась в его каменной телесности, в его одушевленной пространственности:

Переулки Москвы!
среди них я навеки останусь.
Переулки Москвы!
им доверю свою одинокую старость.
Но они отступают — как волны в отлив.

(«Переулки Москвы!..»)

Москва — чудеса в решете,
в блаженстве ее беспорядка,
в прекрасной ее тесноте
есть место — Собачья площадка.

(«Собачья площадка»)

Знаменитые московские кухонные разговоры, внешне такие же, как в провинции, долгие и о главном, но нет — автор уверяет, что они неизъяснимо другие:

Впятером, вшестером, всемером
мы на кухне за тесным столом
пили чай. Мы друг друга любили.
А часы, что за нами следили,
били полночь — и тут же рассвет.
Но казалось, что Времени — нет.

(«Чаепитие в Москве»)

Москва продолжается в провинции, достигает ее своим интеллектуальным, культурным и даже природным бытием:

«В столице снег», — с экрана говорят.
А от нее до нас — ведь правда? — недалече.

И, значит, завтра ляжет нам на плечи
чуть-чуть поношенный московский снегопад.

(«Романс о московском снегопаде»)

Москва вызывает ассоциации, безмерно расширяющие ее смысловое пространство; это святыня, за которую умирают и куда, на свет ее звезд, торопятся провинциальные провидцы:

В провинции мохнатой, меховой,
монашеской, замшелой... Ах, увы,
не вышло жить в Москве — умрете ж под
Москвой:

и лиха здесь с лихвой, и что ни шаг — волхвы.

(«Сочельник. Письмо к чикагскому другу»)

Из провинции Москва видится раем — она так же запредельна: «Я знаю: из Москвы не пишут, не звонят. / Кто б — в самом деле — стал звать из рая?» Но затем следует уточнение: нет, не рай, скорее чистилище. И разворачивается дантовская картина московских кругов, доказывающая, что у автора нет иллюзий насчет столичной жизни:

А если ты — чистилище, Москва! —
то семь твоих кругов, скажи, откуда?
И первый круг — взыскующий родства
и замыкающий в объятьях блуда,
и круг второй — предвосхищенье чуда,
и третий круг — слова, слова, слова.

И слава — круг четвертый или пятый.
Кто их пройдет — окажется в шестом.
Не нам, не нам, не нам — судить о том.
Гребут ли там и впрямь деньгу лопатой
и после праздников страдают животом?

Иль, музыкою сфер упоены
в божественных заботах друг о друге
не думают о том, последнем круге,
лежащем у кладбищенской стены.

(«Письмо из провинции»)

Это было *иностранное* восприятие Москвы, причем вдвойне иностранное — одновременно взгляд провинциала и взгляд поэта. Это была удвоенная зоркость, фиксирующая и предмет, и взгляд. Это была чрезмерная зоркость — ослепляющая:

Еду зрячей, Москва.
Еду зрячей — к тебе.
Еду зрячей.
Возвращаюсь — слепой.

(«Еду зрячей, Москва...»)

II. Провинциальные картинки. Общая и обобщающая картина провинциальной жизни сфокусирована Н. Хаткиной сквозь призму классики — в стихотворении «Чехов», представляющем длящуюся бессюжетность провинциальной экзистенции: беспросветное предпотопное российское макондо; желание и страх каких-либо перемен; провинциальность как образ жизни целой страны; необходимость и невозможность изжить провинциальный уклад.

Дождь идет в провинции, плачутся там,
ссорятся,
дождь идет — провинция мучится бессонницей.

Все в Москву ей хочется, все куда-то тянется,
За вагоном кинется, всхлипнет — и останется.

Разговоры длинные, сумерки пустые...
Вся-то ты — провинция, степь моя, Россия.

И звучит рефреном в Жмеринке и в Жиздре:
«Надо что-то делать со своею жизнью».

(«Чехов»)

Ощущение отдельности своего существования, наличие непреодолимой границы между сверкающей и сумеречной сторонами бытия выражены в названии цикла «Черта оседлости». Кроме личного и общего, оно включало также, как можно понять, и родовое, генетическое значение, связанное с еврейской линией хаткинской родословной. Присутствие этой темы, неявное, противопоставленное, выводит поэтическую филологию на философский уровень. Термин долговечен и пограничен, меняется его значение, но смысл остается прежний:

У нас своя оседлости черта.
Ее нам углем чертит нищета.

(«Черта оседлости», 5)

Меняется внешний вид провинциального города, но сохраняется его мир, мрак, кошмар:

Помню, в детстве я глазела
на кошмары давних лет —
в краеведческом музее
старой Юзовки макет.

Там заборчики кривые,
там свекольное вино,
там удары ножевые,
там какой ты — все равно.

(«Черта оседлости», 7)

Провинция в стихах Хаткиной тоже показана со стороны, как и столица. Это острый взгляд художника, его беглые рисунки пером, с натуры («Провинциальный поэт», «Провинциальный алкоголик», «Провинциальные влюбленные» и др.), составившие цикл «Про-

винциальные картинки», а также примыкающие к нему стихотворения.

Хаткинский Провинциальный поэт комичен, с его провинциальными претензиями и притязаниями, но и трагичен в своей непроданности и невостребованности, он смешон и в то же время трогательно серьезен. Как и классические русские провинциальные типы, населяющие Щигровский, Мценский и еще более удаленные уезды, он карикатурно воспроизводит евангельские и шекспировские архетипы («всегда тридцати и трех лет», «колпак шутовской»):

Петушьей походкой скандальной
всегда тридцати и трех лет
идет мне навстречу опальный
провинциальный поэт.

Клянет он бессонные ночи
и жизни загубленный пласт,
и то, что не продал ни строчки,
и то, что уже не продаст.

Клянет свой ребяческий гонор,
клянет свой мальчишеский стыд.
Ах, быть бы не глупым, не гордым,
как тот, что с витрины глядит.

Клянет, и к витрине подходит,
подтягивая штаны,
и, вычитав что-то, хохочет
в комическом свете луны.

Приплясывает на месте
и машет он небу рукой:
«Эй, скинь-ка мне, жмеринский месяц,
примерить колпак шутовской!»

(«Провинциальный поэт»)

Образы провинциальных поэтов варьируются в разных зарисовках, выявляя наиболее типичные черты провинциального существования, в числе которых основная — призрачность, невозможность полнокровной реализации, неизвестность, непризнанность.

В цикле «Три провинциала» представлены три типажа (Первый, Второй и Третий), относительно их манящей и определяющей цели — столицы. Нескрываемая аллюзия на чеховских «трех сестер» с их непрекращающимся заклинанием непризнанности. Причины этому могут быть и внутренние, но типичный провинциал видит только внешние:

Если живешь за чертою Москвы —
существование твое не доказано.

(«Провинциальный нелепый поэт...»)

Многократно произносимым на театральных сценах, а также на нетеатральных кухнях, в беседах, в поездах («В Москву! В Москву! В Мо-

ску!»), сочетается с такой же классически иллюзорной устремленностью в обратном направлении — из Москвы в провинцию (в «Петушки»!) с неизменным попаданием на Красную площадь.

Первый типаж — созерцатель, турист, интеллигент. Приезжает в Москву для того, чтобы посмотреть достопримечательности, купить гостинцев и вернуться домой:

Он на площади на Красной
поглядит на караул,
пожалует, что напрасно
в переулок не свернул,
где церквушка с колокольней,
где зеленая скамья,
где бежал московский школьник,
что-то пел про муравья.

(«Три провинциала. Первый»)

Второй — «учитель из глубинки голубиной», который рвался в Москву, «как разом три сестры», один из бесчисленных завоевателей столицы, но, как и многие из них, не победитель — наивный, жалкий, отверженный:

Даваясь московским сказочным мороженым —
как он летел! Как бабочка на свет —
куда пойдет? — на Красную на Площадь —
куда ж еще? — других знакомых нет.

(«Три провинциала. Второй»)

Третий — прагматик («Бабы — что! К Москве, в Москву! — / кто еще так приголубит»), он сумел-таки стать москвичом («А из нашего окна...» — / вниз он сходит, напевая»), но все же оставшийся провинциалом:

Ну, взобрался альпинист —
«покорил» — а что в том проку.
Лёд враждебен, гол и чист.
Альпинисту одиноко.
Он москвич четвертый год,
но в толпе текуче-зыбкой
сам себя он выдает
неуверенной улыбкой.
И, устав от скоростей,
от Ордынок и Таганок,
кличет он к себе гостей,
хуторян и хуторянок.
Проводив их босиком,
у окна, во тьме кромешной
семечки грызет тайком
и рыдает безутешно.

(«Три провинциала. Третий»)

Все трое — вариации одной темы и одних и тех же мотивов. Варьируется все та же геометрия: периферия («глубинка») — центр («Москва») — центр центра («Красная площадь»).

Возникают те же дантовские аллюзии: московский рай («свет», влекущий приезжающих, словно насекомых), гора московского чистилища и — московский ад, «тьма кромешная». Проявляясь в закономерностях отдельных человеческих судеб, дантовский код проявляет универсальные законы бытия. Круги, возвращающие в исходную точку, теряют значение пути. И в этих же аллюзиях открывается перспектива. *Гениальный* дантовский план узаконивает поэтическое видение, превращает его в указание: путь к истинному свету — святость, только нужно правильно понять, что такое святость.

Портретные зарисовки Хаткиной всегда концептуальны. Персональные, двойные, тройные, коллективные — они отражают не только оригинал, но и авторский взгляд, фиксирующий сходства и различия, образы и подобию, типы и архетипы. Но, может быть, главное в ее зарисовках — отношение. Не точность подмеченных и подчеркнутых черточек, не выявление основного и характерного, не говорящая образность, не образная структурность, а отношение к изображенным — *любовь*. Хаткина видит вторичность провинциальной жизни, показывает смешные и жалкие попытки причаститься и соответствовать чему-то высокому и далекому. Она любит и жалеет своих нелепых провинциалов за безуспешные попытки быть настоящими, особенно поэтов, но никоим образом не освобождает их от творческой ответственности и не ослабляет художественные критерии. Она не указывает, что делать, она показывает, что достаточно соприсутствия с настоящим, чтобы чувствовать и знать меру его требования к художнику и человеку.

В стихах Хаткиной, в силу ее филологического образования и библиотечного опыта, эстетика настоящего обрела формы традиционализма — с классической поэтикой и насыщенной литературной ассоциативностью. Возможность настоящего даже среди подобию и подражаний предстает как надежда и оправдание провинциального творчества. Это великое провинциальное «быть может», жизненно важное, ободряющее и вдохновляющее, пусть даже высказанное полуфразой или полуправами, имеет силу веры, аналогичную религиозной. Дух веет, где хочет. Даже в провинции. И стихи самой Хаткиной, эстетически преодолевшие условия своего провинциального происхождения, являют реализацию этой возможности.

Растерянно глядят плакаты
на злоехидство наших прений.
О вы, восходы и закаты
районных литобъединений! —
где в уголочке самом тесном,
беленых стен плечом касаясь,
стоят и курят поэтически
и шутят грубо, по-гусарски.

Что в них всерьез, что понарошку,
им невдомек самим, бедняжкам.
На них высокие сапожки
и глупые штаны в обтяжку.

Раз в месяц по нечетным числам
их пленный дух, их бедный гений
сюда взлетает — к горным высям
районных литобъединений.

Они надменны и тревожны,
они не смотрят на плакаты.
Одна из них и впрямь, быть может...
Но все другие тоже святы.

(«Растерянно глядят плакаты...»)

Автобиографичность и автопортретность «провинциальных поэтов» в поэзии Н. Хаткиной, как и ее *заикленность* на теме провинциальности, имеют, помимо прочих причин, и прямую психологическую предопределенность. В 1974 г. стихи 17-летней первокурсницы из Донецка были опубликованы во все-союзной, с 9-миллионным тогда тиражом, газете «Комсомольская правда». Читательские письма из разных концов страны и одновременное признание в местной литературной среде сразу определили особый статус юной поэтессы. Прекрасное начало обещало и превосходное продолжение, но дальнейшая тишина вызывала вопросы и побуждала к выбору. Нужно было понять, куда влечет судьба и что делать со своею жизнью.

III. Децентрация. Отказ от честолюбивых притязаний в искусстве сам по себе не означает снижения творческой интенсивности, в некоторых случаях она даже возрастает, если автор стремится к той же цели, к которой предрасполагает жизнь в центре, или идет к некоей необщей и неочевидной цели, к которой его подталкивает жизнь в провинции. Когда проявляются типологические противоположности современной поэзии, возникает вопрос об их изначальной целостности. Наталья Хаткина решает его так:

Косноязычно и нечетко
и повторяясь без стыда,
о чем под скользкою решеткой

бормочет ржавая вода,
что слышится в глухой икоте
ее юродивых речей?

— Поймите, я из той же плоти,
что озеро или ручей.

(«Косноязычно и нечетко...»)

Такой подземный, из глубины (*de profundis*), взгляд на поэзию приводит к пересмотру целей, которые в юности представлялись неоспоримыми, и к переоценке ценностей, которые казались безусловными. Онтологическая глубина, она же и высота, открывает иную перспективу, вертикальную, но аналогичную исторической. Онтологическая вертикаль перпендикулярна горизонталям победительных стратегий. Она дифференцирует отношение к славе, различая в ней разновекторную интенциональность, разные целеполагания: свет софитов и сияние истины.

В стихотворении «Журналы шестидесятых» Хаткина выражает не только отношение к ближайшим предшественникам, но и свое ощущение отдельности, отделенности, отдаленности от литературного центра, которое можно было бы определить как позицию творческой *внеаходимости*.

Лет прошлых, лет громких журналы
Куплю — позабавлюсь ужю! —
как молоды, как неженаты
и как знамениты свежо
все те, кто сегодня кумиры,
все те, кто забыты давно.
Голодные рыцари лиры
как молоды — просто смешно!

Не знают, не знают — и спорят —
и что этих споров пьяней!
О космосе или о спорте,
о славе, о славе — о ней.

Не знают, не знают — и судят,
а я на них сверху гляжу,
как будто бы ниточки судеб
в руках своих слабых держу
и вижу, кто канет, кто вспрынет,
параболы и виражи,
кто счастливо всех нас обманет
и кто захлебнется во лжи.

И что-то мне так одиноко,
как будто бы отняли речь,
и жалко. И трудно быть Богом —
ни высмеять, ни остеречь.

И тянет почти ностальгично
в сегодня, где все мы слабы,
где случай пока нелогичен,
где ниточек нет у судьбы.

Где вправду безвыходно горе,
где я исподлобья смотрю.
«Не знаю, не знаю, не спорю,
а вдруг ты и прав», — говорю.

Адресация конкретна: поэзия 60-х, стихи, оставшиеся в своем времени (в «журналах»), поэтические кумиры этого времени — Евтушенко, Вознесенский, Ахмадулина, Рождественский. «Параболы и ви[т]ражи» — приметы и знаки времени, аллюзии на сборники А. Вознесенского «Парабола» (1960) и «Витражных дел мастер» (1976). По сути же, видимой из другого времени, это разные формы лжи, без уточнения, кто как лгал.

Все эти явные и неявные реминисценции побуждают воспринимать стихотворение как противостояние поэтических поколений, разноречие отцов и детей, как очередную «пощечину общественному вкусу», только элегантную, без эпатажа, и все же с обязательным сбрасыванием былых кумиров с «парохода современности». Но заключительная строка неожиданно примиряюще отменяет это ритуальное ниспровержение: «а вдруг ты и прав». Вдруг так и должно быть, вдруг это такая же заведомая непреложность, как «ночь, улица, фонарь, аптека»: и поэтическое неведение, и поэтические наития, и поэтическая ложь.

И так же неизменно, что среди «небесных избранников», одаренных поэтическим талантом, выделяются «первые поэты», которые находятся на виду, на слуху, на эстраде — в центре. И так же закономерно, что эстрадным кумирам принципиально противопоставились «провинциальные поэты» — Н. Рубцов, А. Прасолов, В. Казанцев, А. Решетов... И это уже противостояния не только отдельных поэтов, но и разделяющих их принципов и предпосылок.

Разделение поэтов на «столичных» и «провинциальных» (на «городских» и «деревенских», на «эквилибристов» и «традиционалистов») произошло по тем же контурам, которые были резко явлены в начале века, в частности, в противостоянии Маяковского и Есенина, только вместо теоретических манифестаций — декларации искренности и вместо трагических разрывов во времени — эпичные пространственные разломы.

Тем знаменательней сознательный отказ от столичных привилегий и перспектив. Например, выбор, сделанный Давидом Самойловым: «Я сделал свой выбор. Я выбрал залив, / Тревоги и беды от нас отдалив, / А воды и небо

приблизив. / Я сделал свой выбор и вызов».⁷ Это был выбор жизненных приоритетов и ценностных ориентиров. Это была вера в эстетическую справедливость, освобождающую от борьбы за читательское внимание. Удаленное творческое уединение утверждалось как поступок, исполненный поэтического достоинства.

«Окраине поэзии — хвала», — сдержанно, без восклицания, и так же осознанно отзывается в том же году Хаткина, обозначая собственный выбор, обусловленный ее жизненным опытом и житейским знанием:

Окраине поэзии — хвала.
Она к себе с базара и с вокзала
безвестных стихотворцев приняла
и с городской окраиной совпала.

И в этом топологическом совпадении поэзии и жизни проступает тот же вопрос: а вдруг и правда центр онтологичен? Вдруг это не просто место под солнцем, а место силы и основополагания?

IV. Рецентрация. Евгений Евтушенко, первый среди прославленных поэтов-шестидесятников, заметил и благословил поэтессу из Донецка. По его рекомендации ее приняли в местный Союз писателей, с его предисловием вышел ее первый сборник стихов. Открывалась соблазнительная, но и сомнительная возможность находиться в мейнстриме литературного процесса, пусть и провинциального. Хаткина отнеслась к этой перспективе со свойственной ей ироничностью:

Как перестали под старость
в столицу стремиться,
так в нас, оседлых,
боярские страсти разыграли:
стали чинами меряться,
по росту в ряд становиться,
и все оттирали друг друга, все оттирали.
Старое припоминали, глядели косо.
Наконец утряслись, сочлись номерами:
«Ты будешь первый чиновник,
ты будешь первый философ,
ты будешь первый любовник,
я буду первый оратор».
(«Как перестали под старость в столицу
стремиться...»)

Саркастический тон в описании этих иерархий заставляет предположить, что речь не только о провинции, но и о столице. Как и в классическом описании города N, воспроизводится структурная аналогия столичной

⁷ Самойлов Д. Залив // Самойлов Д. Залив. М., 1981. С. 62.

и провинциальной жизни. Показано, что провинция не только противоположна столице, но и подобна ей. И в этой сообразности скрыта предпосылка для переосмысления их неравенства. Провинциальное творчество может быть не только репродукцией и клонированием столичного, но и оригинальным самовыражением в форматах их общей структуры. Столица и провинция — разные, но сопоставимые трудности творческой реализации. В одном случае — плотность и качество конкуренции, в другом — наоборот, недостаточность творческой среды.

Признанная, вопреки количеству книг, наград, стажу и другим формальным показателям, *первой* в донецкой поэзии, Хаткина живописала провинциальную элиту, что называется, с натуры — со знанием материала и правом на кулуарное «мы» и на едкую иронию, являющуюся в этой ситуации и самоиронией. При желании в перечне первых лиц, упомянутых в этом стихотворении, можно установить вполне определенные личности донецкой иерархии 1970–80-х гг.: «первый чиновник» — это, разумеется, глава региона, харизматичный и легендарный В. И. Дегтярев (1920–1993); «первый философ» — это, вероятнее всего, известный донецкий ученый, филолог столичного уровня, теоретик и педагог, создатель научного центра в Донецке М. М. Гиршман (1937–2015), научный руково-

дитель Хаткиной в студенчестве; «первый любовник» (несмотря на трудноопределимость такого статуса, но и этого донецкого лидера можно назвать с достаточной вероятностью) — это А. М. Полеев (р. 1948), близкий знакомый Хаткиной, который, даже перебравшись в Москву, обрел там репутацию «первого сексолога». Реальные примеры перечисленных судеб мало что добавляют в понимании общего смысла стихотворения, но бесполезны для понимания автора. Они проясняют социально-психологический контекст авторского самощущения, который мог давать повод для некоторого оптимизма: творческая жизнь возможна и в провинции, а земная слава, какой бы она ни была, безусловна, относительна и транзитна.

Стихотворение завершается радикальным изменением ракурса — указанием на существование абсолютного центра, по отношению к которому все земное бытие, если оно удалено от него, провинциально. Относительно абсолютной инстанции столичный и провинциальный контексты принципиально уравниваются, при сохранении их соотносительного неравенства:

Чем бы ни тешились, братцы,
 гляжу без упрека,
 не отвожу поцелуев, не считаю царяпин.
 Все мы землю покинем,
 выгнувшись, словно от тока,
 в царстве небесном все мы будем царями.

Alexander A. Korablyov

Doctor of Philological Sciences, Donetsk National University (Donetsk)

E-mail: dikoepole@rambler.ru

THE PROVINCE IN NATALIA KHATKINA'S POETRY

The article contains a conceptual analysis of the province in the works of the Donetsk poet Natalia Khatkina (1956–2009). The main features of overcoming the creative provinciality are revealed: 1) an aspiration for the center; 2) a detached attitude to provincial realities; 3) an awareness of the essential identity of metropolitan and provincial poetry; 4) a creative product of the provincial center, similar to the capital. Semiotics of intentions of provincial life are shown on the examples of the Donetsk city text: 1) the desire for Moscow; 2) “provincial paintings” of the Donetsk life; 3) experiments of the author’s psychopoetic analysis; 4) experiments of the author’s creative re-orientation. Province and provinciality are contrasted as interrelated, but diverse and not always coinciding factors of creative realization. “Province” — the location in relation to an administrative center; it’s the specifics containing a generalization; it is a common place that unites the diversity of certain areas into a single topos. “Provinciality”, on the contrary, is an abstraction that is filled with concrete psychological and social manifestations caused by the center-peripheral circumstances of creative existence. Overcoming provincial conditionality is understood as an ontological energy of aesthetic results. Poetic experience, in addition to its aesthetic value, also has the ontological power necessary to overcome external and internal circumstances. The analysis of poetic reflections which define the acts of creative overcoming and vectors of author’s intentions makes it possible to comprehend vital and creative experiences that have overcome external circumstances.

Keywords: *province, provinciality, creative intentions, decentralization, recentralization, Donetsk literature, Natalia Khatkina*

REFERENCES

- Geopanorama russkoy kul'tury: provintsiya i yeye lokal'nyye teksty** [Geopanorama of Russian culture: the province and its local texts]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. (in Russ.).
- Kagansky V. Kul'turnyy landshaft i sovetskoye obitayemoye prostranstvo** [Cultural landscape and Soviet habitable space]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2001. (in Russ.).
- Korablyov A.** [Between Life and Fate: Circles and Returns of Natalia Khatkina]. *Khatkina N. Stikhi i poemy* [Khatkina N. Poems and Poems]. Donetsk: Izd-vo BVL Publ., 2013, pp. 5–24. (in Russ.).
- Korablyov A.** [Donetsk poetry: the year 2000 (Results of the reader's referendum)]. *Rodomysl* [Rodomysl], 2000, no. 2, pp. 32–37. (in Russ.).
- Korablyov A.** [Literary Ukraine: parade of 2004]. *Dikoye pole* [Wild field], 2004, no. 5, pp. 208–223. (in Russ.).
- Kozlyakov V. N., Sevastyanova A. A. Istoriya i kul'tura regionov Rossii** [History and culture of Russia's regions]. Ryazan: Ryazanskiy gos. un-t im. S. A. Yesenina Publ., 2011. (in Russ.).
- Kuptsova I. A. Dinamika russkoy provintsial'noy kul'tury vtoroy poloviny XIX — nachala XXI v.** [Dynamics of Russian provincial culture in the second half of the 19th — early 21st centuries]. Moscow: MGPU im. M. A. Sholokhova Publ., 2011. (in Russ.).
- Lokal'nyye kul'turno-istoricheskiye issledovaniya: Teoriya i praktika** [Local cultural and historical research: Theory and practice]. Omsk: OmGU Publ., 1998. (in Russ.).
- Medovnikov S.** [The Feast of Abstinence, or After the Referendum]. *Antares* [Antares], 1993, no. 1, pp. 79–83. (in Russ.).
- Mukhamedzhanova N. M.** [Phenomenon of province and provincial culture in the sociocultural aspect]. *Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskoye i yuridicheskoye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law sciences, Culturology and Study of Art. Issues of theory and practice], 2017, no. 7 (81), pp. 143–146. (in Russ.).
- Russkaya provintsiya: mif — tekst — real'nost'** [Russian province: myth — text — reality]. Moscow; Saint Petersburg: Tema Publ., 2000. (in Russ.).
- Vostok — Zapad: prostranstvo lokal'nogo teksta v literature i fol'klore** [East — West: the space of local text in literature and folklore]. Volgograd: "Peremena" Publ., 2019. (in Russ.).